

10.4.99.

Набоков Владимир

Владимир Набоков, столетие со дня рождения которого отмечается сейчас, так и не вернулся в Россию. Его уговаривали приехать еще в 70-е — он не соглашался ни в какую, хотя всегда втайне мечтал о “других берегах”. Владимир Набоков никогда не был в Москве. Сын его — Дмитрий — в свой прошлогдний приезд, связанный с премьерой фильма “Лолита”, посетил Москву. За себя и за отца. Владимир Набоков не считал музыку серьезным искусством. Дмитрий Набоков стал оперным певцом и имеет собственную ложу в “Ла Скала”.

Сейчас сыну писателя за 60. Живет на вилле “Le Rossillon” в Монтре, Швейцария. Богат и знаменит, обожает спортивные машины (в прошлом — профессиональный автогонщик и страстный яхтсмен). Он, говорят, очень похож на своего отца — внешностью, манерами, бережным отношением к речи, к языку — недаром

СЫН НАБОКОВА ЗА ОТЦА ОТВЕЧАЕТ

Владимир Набоков поручил перевод своих произведений именно сыну.

“МК” связался по телефону с Дмитрием Владимировичем. Изысканный и неторопливый старопетербургский выговор, раздавшийся в телефонной трубке, не вытравил годами жизни на чужбине:

— Надеюсь, перезванивать было не слишком неудобным для вас? — сказал Дмитрий Набоков. — Я просил об этом, поскольку та телефонная трубка не слишком подходит к форме моей головы. Только прошу вас, не больше пяти вопросов — мне трудно разговаривать, жесточайший ларингит, я так устал от него.

— **Каким отцом был Владимир Набоков?**

— Полным внимания и любви, даже в самые трудные времена. И даже в самые интенсивные периоды художественного труда отец никогда не забывал посвятить хоть часть дня семье. Он постарался передать мне те стороны жизни, которые сам особенно ценил, — гордость, честь, оптимизм, нежность, точность в наблюдении деталей мира, жалость, без которой не может существовать красота. Руготня не была среди его навыков, он хвалил меня и гордился, когда я этого заслуживал, советовал, предостерегал от ошибок, влиял на выбор пути. Внушал мне — как внушала и мать, — что хоть одну вещь в жизни нужно сделать первоклассно.

— **После 40-го года ваша семья переехала в Штаты; и Владимир Набоков с тех пор окончательно решил писать только на**

английском языке. Насколько тяжелым для него был этот выбор? Ведь Иосиф Бродский сказал однажды: чтобы научиться думать и писать по-английски, у него ушло 15 лет.

— Хотя мой отец с раннего детства хорошо знал английский, несмотря на то, что учился в Кембридже, перемена языка для литературных целей ему причинила долгие и глубокие страдания. Он стремился превратить свой английский язык в тончайший высокохудожественный инструмент, которым был его русский. Он много лет и много усилий посвятил этой метаморфозе, и раньше, чем стать изумительным английским стилистом, определял сначала “второсортным” свой английский.

— **А на каком языке общались в семье? Как повлияла на вашу семью оторванность от родины, привычного образа жизни, круга?**

— Мы все трое (отец, мать и я) полюбили Америку. Дома мы говорили главным образом по-русски, иногда с примесью английских и французских выражений.

— **Отец сам выбрал вас в переводчики своих работ с английского на русский. Но множество англоязычных произведений Набокова переведены на русский другими людьми. Согласовывают ли с вами эти переводы?**

— Увы, очень редко. Переводов неточных много, как и приписанных моему отцу произведений, которых он никогда не писал. В том числе и “Роман с кокаином” Леви-Агеева, и отвратитель-

Москва. Комсомолец. — 1999. — 10 апр. — с. 3

Писатель не имел “Романа с кокаином”

ная пьеса Олби, будто бы основанная на “Лолите”, которую мне часто преподносили как пьесу моего отца. Среди фальшивых произведений моего отца фигурируют и всякие стихотворения, переводы или попытки их совершить. Особенно отвратительная — “Ада”, за исключением работы Ильина, который по крайней мере сделал огромные усилия, чтобы придать этой книге набоковские оттенки и оригинальности. Ильин оказался самым талантливым из сегодняшних русских переводчиков Набокова с английского на русский. Ему поручили также первый русский перевод последнего романа моего отца “Смотри на арлекинов!”, который я только что окончил пересматривать и который скоро будет опубликован издательством “Симпозиум”. Нужно также иметь в виду отличный перевод Долининой первого тома биографии моего отца, написанной Брайаном Бойдом. Этот перевод скоро заменит отвратительную аберрацию господина Носика.

— **Может, тогда стоит все же завершить ваши мемуары об отце и опубликовать их в России?**

— Я надеюсь, что мировая пресса оставит мне достаточно времени и покоя, чтобы закончить это дело.

— **В архиве писателя есть много вещей, которые до сих пор не опубликованы. Скажем, незаконченный роман “Лаура”, который он писал до самой смерти и который приказал уничтожить. Вы ослушались, и шли разговоры о том, что, возможно, он все же**

увидит свет, как и другие неизвестные его работы. Когда это произойдет?

— Судьба оригинала “Лауры” еще не полностью решена. Кое-что время от времени находится. Но увидит ли он свет — неизвестно.

— **Ваш визит в Россию в прошлом году — не последний?**

— Если уже истощенные силы разрешат, надеюсь приехать на два дня в Петербург, чтобы участвовать в праздновании 100-летия со дня рождения моего отца (по старому календарю). Это зависит не от меня, но я буду рад, если этот проект состоится.

— **Как в Европе отмечают 100-летие со дня рождения великого писателя?**

— Празднования начались в Америке прошлой осенью крупным фестивалем в университете Корнелл, где мой отец преподавал много лет. В этом фестивале я участвовал в разнообразных качествах. С тех пор выступал три раза в Германии — играл роль своего отца в пьесе “Дорогой Банни, дорогой Володя: дружба и спор”. Пьеса написана по мотивам переписки моего отца с известным критиком Уилсоном (у него было прозвище Виппу, как у кролика, знаете?). Я также пел в Мюнхене в честь открытия набоковской выставки. Теперь путешествую по Европе. В апреле предстоит выступление в Париже, фестиваль в Санкт-Петербурге, разные события в Нью-Йорке. А дальше, в течение 1999 года, многие другие в Англии, Франции, Италии и Америке.

На днях Дмитрий Владимирович Набоков приехал в Петербург. “Они очень меня ждут, очень хотят, чтобы я пел на вечере, который устраивается в нашем имени в Рождество. Жаль, но петь я, наверное, не смогу — ларингит все еще мучает меня”.

Анна КАЛИНИНА-АРТЕМОВА.

151

10.4.99

Набоков Дмитрий

Владимир Набоков, столетие со дня рождения которого отмечается сейчас, так и не вернулся в Россию. Его уговаривали приехать еще в 70-е — он не соглашался ни в какую, хотя всегда втайне мечтал о «других берегах». Владимир Набоков никогда не был в Москве. Сын его — Дмитрий — в свой прошлогодний приезд, связанный с премьерой фильма «Лолита», посетил Москву. За себя и за отца, Владимир Набоков не считал музыку серьезным искусством. Дмитрий Набоков стал оперным певцом и имеет собственную ложу в «Ла Скала».

Сейчас сыну писателя за 60. Живет на вилле «Le Rossillon» в Монтре, Швейцария. Богат и знаменит, обожает спортивные машины (в прошлом — профессиональный автогонщик и страстный яхтсмен). Он, говорят, очень похож на своего отца — внешностью, манерами, бережным отношением к речи, к языку — не даром

СЫН НАБОКОВА ЗА ОТЦА ОТВЕЧАЕТ

Владимир Набоков поручил перевод своих произведений именно сыну.

«МК» связался по телефону с Дмитрием Владимировичем. Изысканный и неторопливый старопетербургский выговор, раздавшийся в телефонной трубке, не вытравил годами жизни на чужбине:

— Надеюсь, перезванивать было не слишком неудобным для вас? — сказал Дмитрий Набоков. — Я просил об этом, поскольку та телефонная трубка не слишком подходит к форме моей головы. Только прошу вас, не больше пяти вопросов — мне трудно разговаривать, жесточайший ларингит, я так устал от него.

— **Каким отцом был Владимир Набоков?**

— Полным внимания и любви, даже в самые трудные времена. И даже в самые интенсивные периоды художественного труда отец никогда не забывал посвятить хоть часть дня семье. Он постарался передать мне те стороны жизни, которые сам особенно ценил, — гордость, честь, оптимизм, нежность, точность в наблюдении деталей мира, жалость, без которой не может существовать красота. Руготня не была среди его навыков, он хвалил меня и гордился, когда я этого заслуживал, советовал, предостерегал от ошибок, влиял на выбор пути. Внушал мне — как внушала и мать, — что хоть одну вещь в жизни нужно сделать первоклассно.

— После 40-го года ваша семья переехала в Штаты, и Владимир Набоков с тех пор окончательно решил писать только на

английском языке. Насколько тяжелым для него был этот выбор? Ведь Иосиф Бродский сказал однажды: чтобы научиться думать и писать по-английски, у него ушло 15 лет.

— Хотя мой отец с раннего детства хорошо знал английский, несмотря на то, что учился в Кембридже, перемена языка для литературных целей ему причинила долгие и глубокие страдания. Он стремился превратить свой английский язык в утонченный высокохудожественный инструмент, которым был его русский. Он много лет и много усилий посвятил этой метаморфозе, и раньше, чем стать изумительным английским стилистом, определял сначала «второсортным» свой английский.

— **А на каком языке общались в семье? Как повлияла на вашу семью оторванность от родины, привычного образа жизни, круга?**

— Мы все трое (отец, мать и я) полюбили Америку. Дома мы говорили главным образом по-русски, иногда с примесью английских и французских выражений.

— **Отец сам выбрал вас в переводчики своих работ с английского на русский. Но множество англоязычных произведений Набокова переведены на русский другими людьми. Согласовывают ли с вами эти переводы?**

— Увы, очень редко. Переводов неточных много, как и приписанных моему отцу произведений, которых он никогда не писал. В том числе и «Роман с кокаином» Леви-Агеева, и отвратитель-

Писатель не имел «Романа с кокаином»

ная пьеса Олби, будто бы основанная на «Лолите», которую мне часто преподносили как пьесу моего отца. Среди фальшивых произведений моего отца фигурируют и всякие стихотворения, переводы или попытки их совершить. Особенно отвратительная — «Ада», за исключением работы Ильина, который по крайней мере сделал огромные усилия, чтобы придать этой книге набоковские оттенки и оригинальности. Ильин оказался самым талантливым из сегодняшних русских переводчиков Набокова с английского на русский. Ему поручили также первый русский перевод последнего романа моего отца «Смотри на арлекинов!», который я только что окончил пересматривать и который скоро будет опубликован издательством «Симпозиум». Нужно также иметь в виду отличный перевод Долининой первого тома биографии моего отца, написанной Брайаном Бойдом. Этот перевод скоро заменит отвратительную аберрацию господина Носика.

— **Может, тогда стоит все же завершить ваши мемуары об отце и опубликовать их в России?**

— Я надеюсь, что мировая пресса оставит мне достаточно времени и покоя, чтобы закончить это дело.

— **В архиве писателя есть много вещей, которые до сих пор не опубликованы. Скажем, незавершенный роман «Лаура», который он писал до самой смерти и который приказал уничтожить. Вы ослушались, и шли разговоры о том, что, возможно, он все же**

увидит свет, как и другие неизвестные его работы. Когда это произойдет?

— Судьба оригинала «Лауры» еще не полностью решена. Кое-что время от времени находится. Но увидит ли он свет — неизвестно.

— **Ваш визит в Россию в прошлом году — не последний?**

— Если уже исчерпанные силы разрешат, надеюсь приехать на два дня в Петербург, чтобы участвовать в праздновании 100-летия со дня рождения моего отца (по старому календарю). Это зависит не от меня, но я буду рад, если этот проект состоится.

— **Как в Европе отмечают 100-летие со дня рождения великого писателя?**

— Празднования начались в Америке прошлой осенью крупным фестивалем в университете Корнелл, где мой отец преподавал много лет. В этом фестивале я участвовал в разнообразных качествах. С тех пор выступал три раза в Германии — играл роль своего отца в пьесе «Дорогой Банни, дорогой Володя: дружба и спор». Пьеса написана по мотивам переписки моего отца с известным критиком Уилсоном (у него было прозвище Bunpu, как у кролика, знаете?). Я также пел в Мюнхене в честь открытия набоковской выставки. Теперь путешествую по Европе. В апреле предстоит выступление в Париже, фестиваль в Санкт-Петербурге, разные события в Нью-Йорке. А дальше, в течение 1999 года, многие другие в Англии, Франции, Италии и Америке.

На днях Дмитрий Владимирович Набоков приехал в Петербург. «Они очень меня ждут, очень хотят, чтобы я пел на вечере, который устраивается в нашем имении в Рождество. Жаль, но петь я, наверное, не смогу — ларингит все еще мучает меня».

Анна КАЛИНИНА-АРТЕМОВА.

Москва. Комсомолец. — 1999. — 10 апр.

678